Н. А. Некрасовъ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.
Въ 2-хъ т. Изд. Глазунова. СПБ. 1886 г.
Цѣна 9 долл.
Книжный магазинъ ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Литература и искусство

Вл. Ходасевичъ.
СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.
Сборники: Путемъ зерна, Тяжелая лира, Европейская ночь.
Цѣна 0.60 долл.
Книжный магазинъ ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Литературная лѣтопись

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА»

ВЪ НОМЕРѢ 3-мъ и 4-мъ «Литературнаго Современника» напечатана невѣроятная по своей нелѣпости, казалось бы даже для совѣтской литературы, повѣсть Григорія Мирошниченко — «Именемъ революціи», съ претенціознымъ подзаголовкомъ — «Героическая Поэма». Тема повѣсти — событія первыхъ мѣсяцевъ гражданской войны на Сѣверномъ Кавказѣ, борьба такъ называемой Кубанской Рады съ красноармейцами Сорокина. Надъ бѣлымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ учащейся молодежи и кубанскихъ казаковъ-добровольцевъ, начальствовалъ въ то время штабсъ-капитанъ Покровскій, спѣшно произведенный Радой въ генералы. Незабываемая повѣсть Мирошниченко начинается съ описанія наружности Покровскаго. «Генералъ передвигался медленно и важно. Сіяющія шпоры, подвѣшенныя къ лаковымъ сапогамъ, равномѣрно вызванивали, какъ свадебные колокольчики. За генераломъ слѣдовалъ конный оркестръ изъ двухсотъ музыкантовъ... вѣтерокъ шевелилъ голубую царскую ленту, натянутую черезъ плечо черкески генерала. Неподвижна золотая сабля съ пышнымъ махромъ! Ремни на плечахъ, поясъ, кожаныя сумки, кобура и морской кортикъ казались вылитыми изъ металла. Генералъ не дышалъ. Онъ стоялъ задумчивый, какъ памятникъ. Все вокругъ него было мертво. Даже кони не шевелились, даже воздухъ не колебался, птицы не пѣли, кузнечики не стрекотали».

Справедливость требуетъ замѣтить, что изумленное оцѣпенѣніе стихій, животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ въ данномъ случаѣ вполнѣ оправдано. Подвѣшенныя къ «лаковымъ» сапогамъ «сіяющія» шпоры, при черкескѣ, снабженной ремнями пѣхотнаго снаряженія, морской кортикъ при золотой саблѣ и наконецъ голубая царская лента на вчерашнемъ штабсъ-капитанѣ, произведенномъ въ генералы Кубанской Радой, неминуемо должны были повергнуть въ изумленіе даже полевыхъ кузнечиковъ, не говоря уже о строевыхъ коняхъ, не въ примѣръ Григорію Мирошниченко смыслящихъ кое-что въ военномъ обиходѣ.

«За генераломъ, — повѣствуетъ далѣе авторъ, — слѣдовали два взвода монаховъ. Изъ закрытыхъ кадильницъ валилъ густой сизый дымъ. Пахло ладаномъ».

Митрополитъ Платонъ Херсонскій, архіепископъ Таврическій Димитрій, епископъ Кубинскій Іоаннъ возглавляли, по словамъ Мирошниченко, шествіе священниковъ, діаконовъ и монаховъ «въ тонкихъ, какъ блины, камилавкахъ».

— «Ну, вы, черти! — басомъ крикнулъ архіепископъ Таврическій, замѣтивъ, что монахи то и дѣло стали выскакивать изъ строя съ полными кадильницами...

Шествіе остановилось.

— Почему не поете? — крикнулъ прискакавшій къ мѣсту происшествія адъютантъ Покровскаго.

— Двадцать пять верстъ подрядъ мы не можемъ пѣть, — отвѣтилъ правофланговый монахъ. Двѣсти мѣдныхъ трубъ мы не можемъ перекричать.

— Пойте! — крикнулъ адъютантъ монахамъ. — Играйте! — приказалъ онъ музыкантамъ. — Генералу сегодня грустно.

Монахи вздрогнули и стали пѣть. Музыканты заиграли и шествіе двинулось обычнымъ строемъ».

Въ этомъ духѣ съ начала и до конца выдержана вся «Героическая Поэма», носящая поистинѣ провиденціальное заглавіе, ибо только именемъ и отъ имени революціи позволяются человѣку подобныя розсказни. Повѣсть Мирошниченко сама по себѣ не могла бы, разумѣется, возбудить никакихъ обсужденій. Но вотъ изъ отзыва на нее, напечатаннаго въ «Литературной Газетѣ», за подписью Бориса Лавренева, мы узнаемъ, что Мирошниченко занимаетъ постъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отвѣтственнаго редактора «Литературнаго Современника», журнала не захолустнаго, а столичнаго и при томъ художественнаго.

Критикъ «Литературной Газеты» относится отрицательно къ повѣсти Мирошниченко. Но чѣмъ же именно недоволенъ онъ? По мнѣнію Лавренева, «совершенно искажена авторомъ роль духовенства въ бѣлой арміи. Вмѣсто озвѣрѣлыхъ поповъ, поповъ-шпіоновъ, палачей, самолично вѣшавшихъ ненавистныхъ большевиковъ, по страницамъ повѣсти гуляютъ комическіе персонажи, пьющіе водку и щиплющіе дѣвокъ. А изъ монаховъ, тѣхъ самыхъ монаховъ, изъ которыхъ въ бѣлой арміи формировались остервенѣлые батальоны, ходившіе въ штыковыя атаки, Мирошниченко дѣлаетъ христіанскихъ мучениковъ, которые безъ оружія, съ одними кадилами, идутъ на красныхъ партизанъ».

Итакъ, повидимому, оправдывается старая русская поговорка: «какъ аукнется, такъ и откликнется», ибо каковы редакторы — таковы и сотрудники, каковы писатели — таковы и критики.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СТИХОТВОРЕНІЙ ТЮТЧЕВА

Въ Петербургѣ вышло новое полное собраніе стихотвореній Тютчева съ критико-біографическимъ очеркомъ, принадлежащимъ перу Василія Гиппіусъ, съ примѣчаніями къ стихотворному тексту К. Пигарева. Примѣчанія подобраны тщательно и толково. Нельзя повторить того же о критико-біографическомъ очеркѣ. Вас. Гиппіусъ въ литературѣ не новичекъ, писательской культуры онъ не лишенъ и помнитъ, конечно, доброе царское время, когда, водя перомъ по бумагѣ, писатель не косился по сторонамъ на начальство, а былъ самъ себѣ совершенный властелинъ. Увы, теперь не такъ. И если даже за рубежомъ выработался среди насъ особый типъ храбраго либерала съ оглядкой на работодателя, то что же сказать о писателяхъ, живущихъ подъ опекой мудраго отца народовъ. И безъ того ограниченныя литературныя способности Вас. Гиппіусъ подъ угрозой Лубянки окончательно его покидаютъ. Однако, надо же войти въ положеніе погибающаго. Вездѣ запреты, заторы и запоры. Хочется человѣку поразобраться въ поэзіи Тютчева. Не тутъ то было! Говорить свободно о метафизикѣ Шеллинга, такъ сильно повліявшей не только на міросозерцаніе, но что гораздо важнѣе, на мірочувствіе Тютчева, въ совдепіи не полагается, — надо непремѣнно ругнуть нѣмецкаго мыслителя за реакціонность натуръ-философическихъ идей и умудриться отмежевать отъ него милостиво разрѣшенныя чекистами Тютчева. Вспомнились бѣдному Вас. Гиппіусъ вполнѣ благонамѣренныя слова совѣтскаго фаворита, нигилистическаго старичка Добролюбова, находившаго въ поэзіи Тютчева «знойную страстность, суровую энергію и широту діапазона». Казалось бы, такое безнадежно стертое словесное клише можетъ съ успѣхомъ защитить себя отъ нападокъ могучаго Беріи. Но пуганый писатель пустой кобуры боится. Вѣдь за «широту діапазона» можетъ весьма не поздоровиться. И вотъ уже спѣшитъ Вас Гиппіусъ сослаться на геніальнаго Ильича, «относившагося къ Тютчеву, какъ свидѣтельствуетъ П. И. Лепешинскій, съ особеннымъ расположеніемъ».

Пантеизмъ молодого Шеллинга, обѣщавшій съ годами обернуться вѣрой въ личнаго Бога, разумѣется, совершенно непріемлемъ для правовѣрнаго сталинизма. Вас. Гиппіусъ пытается исправить неловкое положеніе бездоказательной ссылкой на движеніе Тютчева отъ пантеизма въ противоположную сторону, къ полнѣйшему безбожію.

Вопреки собственному справедливому утвержденію, что всѣ философскія дисциплины, въ сущности, враждебны свободно развивающемуся поэтическому опыту, напуганный Вас. Гиппіусъ старается навязать Тютчеву какое то подобіе атеистической системы. Такое подневольное искаженіе содержанія тютчевской поэзіи неожиданно приводитъ Вас. Гиппіусъ къ искаженію ея формальной оболочки. Сентиментальный романтизмъ съ безбожіемъ, какъ извѣстно, вполнѣ уживается. И потому для совѣтскихъ авторовъ удобнѣе поставить форму поэзіи Тютчева въ сомнительную зависимость отъ стихотворныхъ пріемовъ Жуковскаго, чѣмъ упомянуть о ея прямой и безспорной зависимости отъ формальныхъ пріемовъ Державина.

Василію Гиппіусъ слѣдовало бы позанять отваги у Пумпянскаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ осмѣлившагося заговорить о формальной сторонѣ поэзіи Тютчева болѣе или менѣе по существу.

Путникъ.

Стихи Николая Туровѣрова

ВЫШЕДШАЯ недавно подъ скромнымъ названіемъ «Стихи» книга Николая Туровѣрова*) — очень большой шагъ впередъ по сравненію съ прошлогоднимъ сборникомъ этого своеобразнаго, — хотя еще не до конца, — поэта. Многочисленныя реминисценціи — впрочемъ, не столько смысловыя, сколько ритмическія — главнымъ образомъ, изъ Гумилева, все еще встрѣчаются въ его стихахъ. Попадаются и формальныя погрѣшности, хотя и гораздо рѣже, чѣмъ прежде. На одну изъ нихъ Туровѣрову все же надо обратить серьезное вниманіе. Онъ злоупотребляетъ пеонами. Это иногда отяжеляетъ стихъ, иногда, наоборотъ, создаетъ въ строкѣ пустоту — тогда кажется, что неударенныя слова вставлены наугадъ для «заполненія»: «Всѣ оцѣнили твою ножку» (здѣсь цѣлыхъ два пеона, вслѣдствіе чего второй просто превращается въ метрическую ошибку), «Постучится въ твои двери» и т. д. Не всегда разборчивъ Туровѣровъ и въ выборѣ эпитетовъ или метафоръ. Но въ общемъ, стихъ его окрѣпъ, пріобрѣлъ собственный мелодическій рисунокъ.

Значительно улучшилась общая композиція отдѣльныхъ стихотвореній. На тридцать три, включенныхъ въ книгу, одиннадцать, т. е. ровно треть, построены отлично. Такія же стихотворенія, какъ «Надъ весенней водой», «Ворожила ты мнѣ», «Кончилось веселое лѣто», «Сердце сердцу вѣсть подаетъ» въ этомъ смыслѣ — даже рѣдкія удачи. Да и вся книга Туровѣрова умѣло построена: это, дѣйствительно, книга со своей темой, живущей и развивающейся, а не случайный сборникъ.

Сильно выросъ Туровѣровъ и въ своей тематикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ выдѣлялся и раньше изъ числа эмигрантскихъ поэтовъ непрестанной обращенностью къ Россіи. Но родной край былъ больше сюжетомъ, чѣмъ эмоціональной темой его стиховъ: эти понятія не всегда совпадаютъ, можно писать для Россіи, не говоря непосредственно о ней. Извѣстныя умолчанія порою даже цѣломудреннѣе. Туровѣровъ не можетъ не писать о Россіи, но описанія и воспоминанія раньше не всегда были проникнуты у него чувствомъ родной страны. Въ частности, вредилъ ему и нѣкій «регіонализмъ» — Россія какъ будто сводилась для него къ области войска Донского. Исключительное вниманіе его къ казачеству создавало порою впечатлѣніе однообразія.

Отъ этого навязчиваго казачьяго патріотизма Туровѣровъ сейчасъ отошелъ къ патріотизму подлинному. Россія не столько описана имъ въ новыхъ стихахъ, сколько присутствуетъ въ ихъ замыслѣ. И даже «казачьи» стихи пріобрѣли отъ этого своеобразіе, ибо тема казачества сплетается съ другими, общерусскими или лично лирическими.

Надъ весенней водой, надъ затонами,
Надъ просторомъ казачьей земли,
Точно войско Донское — колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая печально курлыкали,
Былъ далекъ ихъ подоблачный шлахъ.
Горемыками горе размыкали
Казаки въ чужедальнихъ краяхъ.

Сюжетно Туровѣровъ часто вообще отходитъ отъ Россіи. Предпослѣднее стихотвореніе посвящено имъ Франціи («Мачеха веселая моя»), во многихъ стихахъ пишетъ онъ о личныхъ своихъ переживаніяхъ, что не уменьшаетъ подлинной ихъ «русскости». Иныя изъ такихъ стихотвореній даже особенно удались Туровѣрову.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ,
Глупое сердце все еще ждетъ,
Все еще вѣритъ въ вѣрность твою,
Въ какую-то нѣжность въ далекомъ краю;
Все о тебѣ сердцу хочется пѣть, —
Бѣдное сердце не хочетъ старѣть.

Расширеніе темъ уяснило читателю (а м. б. и самому поэту) общее міровоззрѣніе Туровѣрова, въ основу котораго легла упорная вѣра въ жизнь, несмотря ни на что. «Въ скитаньяхъ веселъ будь и воленъ», — говоритъ ему Господь. И самъ онъ, въ отвѣтъ на жизненныя испытанья, на утраты, все рѣшительнѣе подымаетъ «вновь наполненную чашу». Уныніе въ стихахъ онъ отвергаетъ: «Эта нѣчная трагическая твердь, и вѣчно съ ней рифмуемая смерть» его явно отталкиваетъ. Врядъ-ли онъ правъ, уѣзжая въ программномъ стихотвореніи идти за собою другого поэта, имя котораго само приходитъ въ голову: очевидно, стихи посвящены Смоленскому. У каждаго — свой путь. Но для себя Туровѣровъ правъ несомнѣнно.

Ю. М.

*) Н. Туровѣровъ. Стихи. Парижъ. 1939.

Избраніе Саши Гитри

ВЪ ПАРИЖСКИХЪ литературныхъ кругахъ произошло событіе, которое въ болѣе спокойныя времена несомнѣнно вызвало бы не только сенсацію, но цѣлую бурю протестовъ: въ Академію Гонкуровъ, на мѣсто скончавшагося Поля Нене, избранъ Саша Гитри. Протесты, впрочемъ, раздались и сейчасъ, въ средѣ самыхъ академиковъ — но ихъ было мало и они не повліяли на результатъ выборовъ. Резюмируемъ вкратцѣ данныя, приводившіяся противъ избранія Гитри: во первыхъ, онъ драматургъ, тогда какъ въ число Гонкуровъ до сихъ поръ входили только романисты; во вторыхъ, онъ очень богатъ, что наводитъ на мысль, что академики просто хотѣли заполучить мецената; въ третьихъ, художественный уровень его произведеній гораздо ниже того, который до сихъ поръ соблюдали Гонкуры (вспомнимъ, что даже избраніе Карко уже было воспринято, какъ извѣстное сниженіе).

На первыя два возраженія можно было бы не обращать вниманія. Но третье очень существенно. Гитри — писатель популярный. Однако, успѣхъ его скорѣе сценическаго порядка, чѣмъ литературнаго (Гитри самъ ставитъ свои пьесы и самъ играетъ ихъ). Даже наиболѣе рьяные поклонники Гитри врядъ ли могутъ утверждать, что какъ писатель онъ достигъ какихъ либо художественныхъ высотъ. Слова одного изъ протестовавшихъ «гонкуровъ»: «послѣ этого избранія, Академія стала проходнымъ дворомъ» — кажутся намъ, такимъ образомъ, оправданными.

Гитри сейчасъ шестьдесятъ четыре года. Онъ сынъ извѣстнаго артиста Люсьена Гитри и родился во время гастролей его отца въ Петербургѣ. Отсюда его русское имя. Гитри былъ женатъ три раза и на дняхъ женился въ четвертый. Его вторая жена, Ивонна Пронтанъ, снискала себѣ большую и оправданную извѣстность, какъ драматическая и экранная артистка. Гитри пытался лансировать и свою третью жену, Жаклину Делюбакъ, но потерпѣлъ въ этомъ отношеніи явную неудачу.

М.

Изъ книги „Поэты Америки"

ЖАЗЪ-БАНДЪ

КАРЛА ЗАНДБУРГА

(Шведъ, родившійся въ Иллинойсѣ. Прославился сборникомъ «Поэмы Чикаго», 1916)

1.

Барабанъ, — дай дроби!
Саксофоны, — меду!
И, въ лютой, свѣжей злобѣ,
Тромбоны —
Ходу!

Плачь, вѣтеръ, бей кастрюли!
Въ шальномъ, безбрежномъ гулѣ
Вой жутко, плотоядно,
Шурша —
И тай жадно..

Душа,
вторь флейтѣ:
«Чуръ, чуръ, хмелѣйте!»

2.

«Бингъ-бангъ!» — Гудокъ.
Моторъ, — за нимъ погоня.
«Бингъ-бангъ», — и на утекъ!
За нимъ, на саксофонѣ!
Свистъ,
ураганъ, —
волчій!
Зайсь,
барабанъ!
Желчи!

На лѣстницѣ, во мракѣ.
Врага — въ обхватъ!
Глаза ногтями въ дракѣ
Рви, злоба! И въ адъ —
Бухъ, оба...
Литавры! Набатъ!!!

3.

Опомнись. Полно.
Просторъ, — и волны.
Разливы Миссисипи.
Въ блаженномъ
всхлипѣ
«Охъ-охъ!» — чей вздохъ!

О звѣздочкѣ зеленой
Груститъ фонарь влюбленный;
И рыжая луна
Взошла, утомлена...
Блеснулъ, посеребренный,
Волны горбатой шелкъ...
Жазъ —
Сможъ.

Ив. Тхоржевскій.

Иностранцы о Россіи

За послѣднее время въ Парижѣ вышло нѣсколько книгъ, въ которыхъ иностранцы, побывавшіе въ Россіи, дѣлятся своими воспоминаніями о нашей родинѣ, или размышленіями о ея будущемъ. Двѣ такія книги особенно заслуживаютъ вниманія.

Одна изъ нихъ спеціально касается вопроса объ Украинѣ. Написана она французомъ Пьеромъ Брежи, уже выпустившимъ книгу художественныхъ очерковъ объ Украинѣ*). На этотъ разъ, въ сотрудничествѣ съ княземъ Сергѣемъ Оболенскимъ, онъ написалъ книгу историко-экономическаго порядка. Подробно и очень объективно воспроизводитъ онъ главныя событія исторіи Малороссіи, описываетъ ея географію, ея литературную и художественную жизнь.

Удѣливъ главу экономической сторонѣ украинской проблемы, онъ въ заключеніе пытается сдѣлать прогнозы будущаго. Вотъ его выводъ: «Независимость Украины, не оправданная по существу не отвѣчаетъ также желаніямъ ея населенія».

Другая книга — воспоминанія бывшаго итальянскаго посла, Альдровандо Марескотти**), о дипломатической дѣятельности во время войны. Одна глава книги описываетъ поѣздку междусоюзной миссіи въ Россію въ началѣ 1917 года (въ эту миссію, кромѣ итальянцевъ, входили Гастонъ Думергъ и англичанинъ Мильнеръ).

Марескотти даетъ яркую картину начала развала россійской государственности въ моментъ февральской революціи. Союзные дипломаты уже тогда вынесли впечатлѣніе, что съ момента переворота Россія потеряна для Европы.

Очень любопытны многочисленные анекдоты, которые приводитъ итальянецъ, въ частности, контрастъ между пессимизмомъ Мильнера и упорнымъ оптимизмомъ Думерга, постоянно цитировавшаго фразы изъ вольтеровскаго «Кандида».

М.

*) Pierre Brégy et Prince Serge Obolensky. L'Ukraine terre Russe (Gallimard).

**) A. Marescotti. Guerre Diplomatique (Gallimard).

Юрій Мандельштамъ

Новая книга Бунина

ПЕРВОЕ чувство, рождающееся при чтеніи новой книги Бунина*) — неподдѣльное восхищеніе. Какое истинное наслажденіе доставляетъ этотъ сухой и четкій блескъ, этотъ полуденный строй бунинскаго письма, даже страшноватый своею знойной и отчетливой ясностью. Бунинъ всегда любилъ описывать полдень, лѣтній полдень безграничной россійской равнины (есть у него одно такое описаніе малороссійскаго полдня и въ «Ликѣ»), когда воздухъ дрожитъ и струится въ отдаленіи, налъ полями, и предѣльная прозрачность уже не обнаруживаетъ, а какъ бы скрываетъ нѣкія тайныя глубины природы. Именно такой лѣтній полдень напоминаетъ сама творческая манера, вѣрнѣе даже творческая стихія Бунина: все предѣльно ясно, договорено, до конца показано — казалось бы, за словами и образами ни для чего и мѣста не остается; и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ точнѣе, чѣмъ завершеннѣе, фактическое содержаніе, тѣмъ глубже и таинственнѣе бунинскій фонъ. Вотъ почему, вѣроятно, отъ книги къ книгѣ возрастаетъ не только исключительное мастерство Бунина, но и то ощущеніе подъема, паренія надъ дѣйствительностью, которое особенно замѣтно потому, что Бунинъ этой дѣйствительностью отнюдь не пренебрегаетъ.

Дѣйствительность, т. е. природа и человѣческій бытъ... Сколько возставали противъ привержeнности Бунина къ описанію того и другого, сколько упрекали его въ свое время во «внѣшней художественности», въ сугубомъ реализмѣ, будто бы идущемъ въ ущербъ духовному прорыву. Символисты упорно хотѣли зачислить его въ «бытовики» и «описатели». Сейчасъ даже опровергать такое мнѣніе уже не приходится, столь очевидно, что природа и бытъ всегда были для Бунина лишь проводниками внѣвременнаго, бытійственнаго, а не бытового начала. И все же каждый новый этапъ творчества Бунина все отчетливѣе показываетъ это его стремленіе пройти сквозь реальность видимую, вырваться сквозь нее за ея предѣлы. «Господинъ изъ Санъ-Франциско» въ этомъ смыслѣ пронзительнѣе «Деревни», «Митина Любовь», «Солнечный ударъ», «Жизнь Арсеньева» въ возрастающемъ темпѣ подчеркивали эту сторону бунинской личности. И едва ли не еще круче подъемъ, ведущій отъ «Жизни Арсеньева» къ «Ликѣ» — формально представляющей вторую часть этого романа, но по существу являющейся совершенно независимымъ и законченнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Все это, впрочемъ, уже размышленія, приходящія позже, когда книгу Бунина отложишь и снова къ ней вернешься, чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ ея сущность. При первомъ же чтеніи восторгаешься безотчетно и почти безразсудно даже не композиціоннымъ мастерствомъ, секретъ котораго не такъ легко обнаружить, а самой словесной и образной тканью романа. Образность Бунина, впрочемъ, особенная. Въ міровой литературѣ мало писателей, производящихъ большее впечатлѣніе «зрительности» — все, о чемъ Бунинъ пишетъ, мы видимъ, дѣйствительно, собственными глазами. Между тѣмъ, такъ наз. «красочности» у него почти нѣтъ. Онъ рѣдко пользуется метафорами, сравненіями, богатыми эпитетами, всѣмъ тѣмъ, что въ такомъ изобиліи входитъ въ обычный реквизитъ «реалистовъ». Когда Бунинъ къ сравненіямъ прибѣгаетъ, они причудливы, неожиданны и поражаютъ не натуралистической вѣрностью фотографіи, а именно смѣлостью собственнаго заключенія, изъ наблюденія проистекающаго, но уводящаго насъ далеко за его предѣлы. «Въ сумракѣ возлѣ входа стоялъ большой старикъ въ длинной чуйкѣ и кожаныхъ калошахъ, грубый и крѣпкій, какъ старая лошадь, сурово (въ назиданіе кому то) гудѣлъ, подпѣвая». Сколько человѣческой убѣдительности въ этомъ сравненіи съ лошадью, какъ будто произвольномъ, и въ особенности въ опредѣленіи «въ назиданіе кому то», которое и, вообще, не на зрительномъ опытѣ основано.

Сплошь и рядомъ длинныя описанія, наиболѣе поражающія нашъ глазъ, вовсе не содержатъ ни одной метафоры. Вотъ напр., зимній ночной пейзажъ, которому, возможно, суждено стать классическимъ. «Вижу себя на полпути между Батуринымъ и Васильевскимъ, въ ровномъ, снѣжномъ полѣ. Пара летитъ, коренникъ точно на одномъ мѣстѣ трясетъ дугой, дробитъ крупной рысью, пристяжная ровно взвиваетъ и взвиваетъ задъ, мечетъ и мечетъ вверхъ изъ подъ заднихъ бѣло-сверкающихъ подковъ снѣжными комьями.... Все летитъ, спѣшитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точно стоитъ и жлетъ: неподвижно серебрится влали, подъ луной, чешуйчатый настъ снѣговъ, неподвижно бѣлѣетъ низкая и мутная съ морозу луна, широко и мистически - печально охваченная радужно-туманнымъ кольцомъ, и всего неподвижнѣй я, застывшій въ этой скачкѣ и неподвижности, покорившійся ей до поры до времени, оцѣпенѣвшій въ ожиданіи, а наряду съ этимъ тихо глядящій въ какое то воспоминаніе». Все точно въ этомъ описаніи, ни одного «вольнаго штриха» — но какъ живетъ пейзажъ передъ нашими глазами!

А вотъ, наряду съ пейзажемъ, и портретъ. «Особенно она — совсѣмъ не та! Меня каждый разъ поражала въ эту минуту ея юность, тонкость: схваченный корсетомъ станъ, легкое и такое непорочно-праздничное платьице, обнаженныя отъ перчатокъ до плечей и озябшія, ставшія отрочески сиреневыми руки, ее неувѣренное выраженіе лица... Только прическа высокая, какъ у свѣтской красавицы, и въ этомъ что то особенно влекущее, но какъ бы уже готовое къ свободѣ отъ меня, къ измѣнѣ мнѣ и даже какъ будто къ сокровенной пророчности... И я какъ то прощально и уже съ холодомъ враждебности смотрѣлъ ей вслѣдъ». Точность и четкость здѣсь особенно замѣтны потому, что портретъ — одновременно внѣшній и психологическій, что психологія сквозь внѣшность сквозитъ въ немъ непрестанно. Интонаціи нѣкоторыхъ фразъ и вся послѣдняя фраза, включающая въ образъ героини чувства самого Арсеньева, могли бы быть находкой для любого «психолога» прустіанца. Но чистый психологизмъ всегда абстрактенъ, у Бунина же отвлеченность не присутствуетъ ни въ малѣйшей мѣрѣ. Лику мы видимъ извнѣ и, какъ у живой женщины, узнаемъ одновременно и ея душевный міръ.

Зрительность бунинскихъ описаній — первая предпосылка жизненности его міра. Но это еще — жизнь статическая. Движеніе придаетъ ей ритмъ повѣствованія, вполнѣ своеобразный, новый даже для самого Бунина. Этотъ ритмъ предрѣшаетъ построеніе книги, которую, пожалуй, не вполнѣ правильно назвать романомъ. Это скорѣе — большая новелла, если допустить возможность существованія новеллы въ двѣсти страницъ. Впрочемъ, всѣ знаютъ, что отличіе двухъ жанровъ — не въ фактической длинѣ, а въ темпахъ дѣйствія. Романъ — теченіе самой жизни на протяженіи лѣтъ и потому плавенъ и длителенъ. Новелла — эпизодъ, но напряженный и насыщенный переживаніями, которыя поэтому и должны чередоваться въ ускоренномъ темпѣ. Бунинъ, рѣдкій мастеръ новеллы, довелъ въ иныхъ повѣстяхъ эту ускоренность до исключительнаго совершенства. Можетъ быть потому, что этотъ ритмъ вошелъ органически въ его манеру, онъ и рѣшился примѣнить его къ болѣе длительному повѣствованію. Удивительно поистинѣ то, что первый же опытъ подобнаго построенія увѣнчался столь блестящимъ успѣхомъ.

Я упомянулъ, что будучи связанной съ «Жизнью Арсеньева» личностью главнаго героя и нѣкоторыми реминисценціями (въ началѣ книги Бунинъ даже возвращаетъ насъ назадъ, искусно играя хронологіей), «Лика» по существу — произведеніе вполнѣ самостоятельное. Различіе темповъ въ достаточной степени объясняетъ эту независимость. «Жизнь Арсеньева» — романъ въ буквальномъ смыслѣ слова, «Лика» — разросшаяся новелла. Но это формальное различіе предопредѣляетъ и тематическую обособленность. Въ первомъ томѣ Бунинъ и впрямь стремился показать жизнь своего героя въ юности — во всей ея полнотѣ и ширинѣ. Въ «Ликѣ» теченіе ея сужается, сжимается, оставаясь столь же, если не болѣе, насыщеннымъ. Все сводится для Арсеньева къ одному существу — къ одной женщинѣ, Ликѣ — къ одному чувству — къ любви, вѣрнѣе къ страстному желанію обладанія и сохраненія. Правда, согласно сюжету, онъ не можетъ удовлетвориться одной Ликой, его тянетъ къ другимъ впечатлѣніямъ, къ другимъ встрѣчамъ, что и предрѣшаетъ трагическую развязку его романа съ Ликой. Одна любовь не можетъ наполнить его жизнь — ему нужны природа, наука, перемѣна мѣстъ. Но его стремительная поѣздка въ Смоленскъ, Петербургъ и Москву — только бѣгство отъ Лики, въ окончательномъ счетѣ лишь вѣрнѣе его къ ней возвращающее. Позже онъ самъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что его отлучки — поиски любви женщины. Но ему кажется, что онъ ищетъ другихъ женщинъ, тогда какъ по существу каждое его мимолетное приключеніе преслѣдуетъ все ту же ускользающую Лику. Между Ликой и фельдшерицей изъ Шишакъ, или крестьянкой изъ сосѣдняго села, разницы нѣтъ, при всѣхъ физическихъ контрастахъ, ибо влечетъ Арсеньева къ нимъ одно и то же стремленіе.

Если всмотрѣться въ любовь Арсеньева, то это тожество находитъ полное объясненіе: Арсеньевъ хочетъ со всей силой присущей ему страсти не ту или иную женщину, а женщину вообще, безликое женское начало. Но полнѣе всего воплощаетъ это начало Лика. Неудовлетворенность его есть лишь неудовлетворенность приближеніемъ, хотя бы самымъ точнымъ. Съ большей насыщенностью и зрѣлостью — а потому и съ инымъ конечнымъ результатомъ — любовь Арсеньева такимъ образомъ повторяетъ опытъ «Митиной любви».

Вообще отсутствіе нѣкоего индивидуальнаго объекта для бунинскаго эроса крайне характерно. Бунинъ — одинъ изъ самыхъ одаренныхъ эротически, самыхъ насыщенныхъ эросомъ писателей. Но въ его эротическое міроощущеніе меньше всего входитъ лично-душевный моментъ. Любовь для его героевъ — не «сочетанье двухъ душъ», а страстно-мучительное стремленіе плоти къ плоти. Арсеньева волнуютъ не встрѣчи съ новыми лицами, а соседство новыхъ тѣлъ: «раскрытыя губы, груди подъ сорочками, тяжелыя бедра въ платьяхъ и юбкахъ» — записываетъ онъ самъ. Страстное мученіе сливается съ жаждой страстнаго мучительства. Въ воображеніи ему рисуется древній воинъ, везущій на копѣ добычу — «женщину со связанными за спиной руками». И кто еще, кромѣ Бунина, могъ бы описать любовное свиданіе словами: «молча, блаженно истязались».

Было бы безсмысленно, однако, видѣть въ этой страсти низменность чувства. Плотское въ любви неизбѣжно и по своему существеннѣе душевнаго. Едва ли не во всякой любви живетъ тѣлесное стремленіе, вплоть до жажды мученій. Но плотское, подобно душевному, въ подлинномъ эросѣ преображено духомъ и, конечно, у Бунина плоть пронизана духомъ и тяготѣетъ къ нему. Такое стремленіе къ духу въ обходъ душевной лирикѣ можетъ быть странно, можетъ даже отталкивать, но по своему оно обосновано и праведно. Не даромъ и кончаетъ свою книгу Бунинъ словами: «Сѣется тѣло душевное — возстаетъ духовное».

Юрій Мандельштамъ.

*) И. А. Бунинъ. Лика (романъ) — Петрополисъ. Брюссель 1939.